

общероссийская
еженедельная
газета

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КУРЬЕР

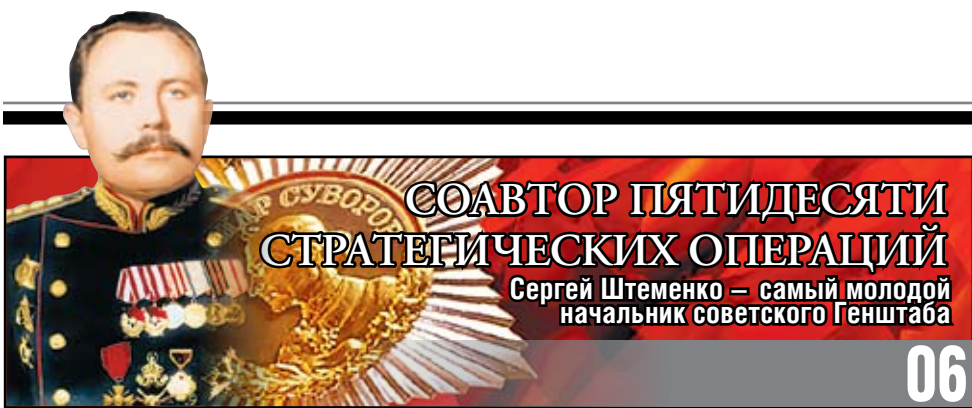
ВПК

www.vpk-news.ru

№ 17 (333)

5–11 мая 2010 года

Выходит по средам

ТЕМА

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Слово «модернизация» ныне звучит каждодневно. Но что означает подразумеваемый под ним процесс для нашей страны, для укрепления ее национальной безопасности? Он действительно необходим? И если да, то какова его конечная цель? Об этом шла дискуссия на XVIII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике.

ЦИФРЫ

ЧЕЙ ВКЛАД ВЕСОМЕЕ?

Согласно результатам опроса, проведенного в конце апреля Всероссийским центром изучения общественного мнения в 42 регионах Российской Федерации, 91% ее граждан убеждены, что наибольший вклад в разгром нацизма внес СССР.

Роль западных союзников в глазах соотечественников выглядит куда менее весомой: лишь 3% указывают на США, по 1% – на Великобританию и Францию. Вклад СССР в Победу считают значительным прежде всего россияне старше 45 лет – 93%. Такой же точки зрения придерживаются 87% 18–24-летних респондентов.

Столь же единодушно граждане РФ и в ответе на вопрос о том, какой народ больше всего пострадал от немецко-фашистских захватчиков: 90% полагают, что это русские. Значительно меньше тех, кто уверен: самые серьезные потери понесли белорусы (38%), евреи (37%), украинцы (35%) и поляки (12%). По 1% пришлось на россиян, убежденных, что наиболее серьезный урон фашизм нанес британцам, французам, американцам.

Как значимый или очень значимый определяют вклад русского народа в общую победу во Второй мировой войне 97% опрошенных. На втором месте идут украинцы и белорусы (по 79%). На третьем – поляки (54%), на четвертом – французы (45%), на пятом – американцы (40%), за ними следуют британцы (37%), евреи (36%), болгары (33%).

Россияне почти столь же единодушно придерживаются точки зрения относительно того, кто развязал Вторую мировую войну: 88% опрошенных полагают, что это Германия. Значительно реже в этой связи респонденты называли Советский Союз (4%), Францию, Великобританию, США (по 1%).

К возобновлению традиции парадов на Красной площади с участием тяжелой военной техники 78% опрошенных граждан РФ относятся позитивно и за прошедшие два года таких стало больше на 8%.

Главный смысл парада Победы, по мнению 31% россиян, – сохранение памяти о подвиге народа.

ТЕНДЕНЦИИ

ТАКТИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ – ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ СНВ МОГУТ РАСПРОСТРАНИТЬСЯ И НА НЕСТРАТЕГИЧЕСКИЕ БОЕПРИПАСЫ

Заключение 8 апреля 2010 года в Праге нового Договора СНВ между Россией и Соединенными Штатами возрождает процесс договорно-правового взаимодействия Москвы и Вашингтона в сокращении ядерных вооружений и открыло путь к дальнейшим мерам ядерного разоружения согласно обязательствам двух держав по статье VI ДНЯО.

Окончание на стр. 02–03

Левина, ЯКУТИН

С-300П И «ПАНЦИРЬ-С» В БОЮ

На полигоне Ашулук под руководством начальника Главного штаба Военно-воздушных сил РФ Вадима Волковича была недавно проведена воздушно-огневая конференция руководящего состава ВВС России с участием представителей вооруженных сил Белоруссии и Казахстана. Заместитель генерального директора ОАО «ГСКБ «Алмаз-Антей» Юрий Соловьев сделал доклад на тему «Перспективы развития техники и вооружения ЗРВ ПВО», выступили представители и других промышленных предприятий, разрабатывающих и производящих вооружение и военную технику в интересах ПВО. Практическая часть включала боевую стрельбу двух полков смешанной группировки (ЗРС средней и малой дальности) по воздушным мишеням всего существующего типа. Менее чем за две минуты боевые расчеты должны были поразить 10 целей. Такой плотности налета не наблюдалось со времен проведения подобных мероприятий в СССР. Направления, дальности, временные промежутки между стартами мишеней, их тип и количество были неизвестны боевым расчетам до момента начала учений. После окончания первых стрельб подразделения ЗРВ должны были быстро сменить

места дислокации и с новых позиций продолжить отражение удара противника. Зенитные ракетные дивизионы С-300П традиционно успешно справились с задачами по уничтожению и скоростных, и высотных, и низколетящих целей, подтвердив свои высокие боевые возможности. Во время учений зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь-С» выполнял боевую стрельбу с хода. Основное предназначение «Панциря» – защита группировок ПВО от ударов высокоточного оружия. В учениях принимали участие пункт управления и четыре боевые машины ЗРПК. Впервые «Панцирь-С» разработкой ОАО «ГСКБ Концерна ПВО «Алмаз-Антей» им. академика А. А. Расплетина» и ФГУП «Конструкторское бюро приборостроения» (Тула). Указанные средства будут основным вооружением бригад ВКО, создаваемых в рамках реализации нового облика Вооруженных Сил России.

«Когда слышу «Вставай, страна огромная» – невозможно, начинаю плакать». Нет, эти слова принадлежат не державнику-коммунисту, а популярному литератору, известному либералу-западнику. Что лишний раз подтверждает: Победа в Великой Отечественной войне – подлинно всенародный праздник в нашей стране. Ибо тогда, в «сороковые роковые» воистину шла битва «не ради славы, ради жизни на Земле». И выиграли эту битву и маршалы, и генералы, и офицеры, и рядовые. И, конечно, труженики тыла, давшие фронту вооружения и военную технику, боеприпасы и продовольствие...

День Победы – это также событие, которое навеки будет связывать Россию со странами, входившими в антигитлеровскую коалицию, несмотря на все политические перипетии в прошлом, настоящем и будущем. Поскольку без жертв, понесенных народами СССР и в первую очередь русским народом, вряд ли в мае 1945-го пал бы Третий рейх, а без усилий армий и флотов западных союзников, без материальной помощи нам со стороны США и Великобритании путь от Москвы до Берлина был бы еще более долгим и кровавым.

Материалы о Великой Отечественной войне – на стр. 06–12

Коллаж Андрея СЕДЫХ

ТЕМА

Андрей ЗУБОВ,
доктор исторических наук, профессор

Начну с того, что цивилизационно и культурно Россия — не какая-то особая евразийская или российская цивилизация, как любят у нас говорить, а периферия, отдаленная провинция Западного мира. Этот тезис очень легко доказывается.

ОТБИВШИЕСЯ ОТ РУК ДЕТИ...

Строй нашей государственной и культурной жизни складывается, выходит из догосударственного и бесписьменного состояния в конце X века после Рождества Христова. Он формируется Восточной Римской империей. Достаточно посмотреть круг чтения, стиль архитектуры и живописи, правовые установления. Пришедшие из Константинополя христианство и строй культурной жизни наложились на варварский народ, до того долгое время пребывавший в состоянии полной культурной деградации. Академик Борис Рыбаков при всем своем желании смог найти очень мало памятников дохристианского периода на пространствах Восточно-Европейской равнины.

Русь — это не Греция, не Египет, не Римская империя с их богатейшим и многотысячелетним дохристианским культурным прошлым. Россия — это очень молодая культура, всецело индуцированная древней средиземноморской цивилизацией в ее христианизированном обличье. Именно поэтому и во временном, и в пространственном отношении Россия — это отдаленная периферия Западной цивилизации.

Цивилизационные различия восточного и западного Средиземноморья в эпоху христианизации Руси были очень невелики и ощущались современниками не более чем сейчас различия между Германией и Италией. Второй такой же периферийной зоной Западной цивилизации является северо-запад Европы — Скандинавия. Чтобы оценить, как развивается Россия, надо в истории иметь референтную группу. И такой референтной группой может быть очень сходный по историческому генезису с Россией северо-запад Европы.

Когда-то в далеком прошлом, в четвертом тысячелетии до Рождества Христова пространство, на котором сейчас находится Россия, и Северо-Западная Европа являлись двумя культурными центрами доисторического континента. Район степи и лесостепи между Вислой и Уралом, по мнению большинства ученых, это основной район зарождения индоевропейского культурного центра, из которого индоевропейцы двинулись в конце III тысячелетия по всем направлениям, кроме, понятия, северного, и достигли постепенно Сибирязна на востоке, Пенджаба — на юго-востоке, Атлантики — на западе, берегов Средиземного моря — на юго-западе. Не забудем, что и Греция, и Рим, и Армения — это индоевропейские сообщества. Будущие же славяне и балты остались на своих исконных местах обитания, на Восточно-Европейской равнине. А северо-запад Европы (юг Скандинавии, Британские острова, Бретань) — это металистическая цивилизация, распространившаяся в III–II тысячелетиях до Рождества Христова до Египта и Сирии.

Но со второго тысячелетия до Рождества Христова происходит все большее одичание и в том, и в другом древних центрах, а центр культуры утверждается в районе Средиземного моря — Египет, потом Крит, потом Греция, этрусская Италия. Вспомнить эту глубокую древность важно нам, чтобы не испытывать комплекс неполноценности. Мы, так сказать, дети хороших родителей, без которых нынешний культурный мир был бы немислим, но по ряду причин отбились от рук и одичали и пребывали в одичании, в культурно деградировавшем состоянии за пределами цивилизации около двух тысячелетий. За эти два тысячелетия Средиземноморский мир проделал огромный путь культурного развития, а германцы Скандинавии, славяне и балты Восточно-Европейской равнины деградировали, по всей видимости, даже в сравнении со своим древним состоянием времен индоарийской общности. Но вторичная аккумуляция в лоне той же цивилизации всегда проходит легче прививки иной цивилизации. Второе, как правило, вообще плохо получается.

НЕ БАТЬИЙ ВИНОВАТ!

И Россия, и Северо-Западная Европа вновь включаются в единое культурное поле Запада только в конце первого тысячелетия после Рождества Христова, причем почти одновременно, вместе с христианизацией. Скандинавия и Русь крещены в последнем десятилетии X века: в 988 году князь Владимир крестит Русь, в 993–995 годах его близкий родственник конунг Олав Тригтвессон — Норвегию.

Скандинавия приняла через Рим западную форму единого тогда православного христианства, а Русь через Константинополь — восточную. Но форма христианства, как думал Петр Чаадаев, на самом деле ничего не значит для цивилизационного развития этих двух регионов. Да и Церковь фактически оставалась единой, как признают практически все историки, даже не до 1054-го, а до 1204 года, то есть до разгрома крестоносцами Константинополя. Православная Византия находилась в активном взаимодействии с Европой и даже лидировала в нем и

Михаил ХОДЯРЕНКО

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ
АЛЬТЕРНАТИВА
В ДАЛЬНЕЙШЕМ
РАЗВИТИИ

...ЛИБО
КОЛОСС
НА ГЛИНЯНЫХ
НЮГАХ

Как соотносить нам себя с миром, как строить нашу внешнюю и оборонную политику, в каком направлении проводить и проводить ли вообще модернизацию жизненного уклада нынешней России? Я — историк и, чтобы найти ответы на эти вопросы, попробую подойти к ним исторически.

технологически, и интеллектуально до дучного, то есть до XIII века, а во многих аспектах и до триченто.

Вспомним схоластические споры IX–X веков вокруг Ареопагитик, исихастские споры XI–XIV веков, породившие готику на западе и паламитское богословие на востоке Европы, — они были общими для всего христианского мира. Сама по себе византийская или римская версии православия тогда мало что значили для культурной матрицы. Значимы они были для каких-то отдельных ее аспектов, но не для уровня модернизированности. Константинополь и Фессалоники в XIV веке были не менее «современны», чем Рим или Париж, и прекрасно понимали друг друга на всех уровнях — от богословия до военного искусства, ибо все они были центрами единой Средиземноморской цивилизации.

Для периферии же главное не различие в деталях культуры, а интенсивность общения с культурным центром. Это очень важный тезис. Не тип культуры, а интенсивность общения.

Интенсивное общение Скандинавии с культурным западным центром, то есть со Средиземноморьем и шире — с пространством древней Римской империи, не прекращалось никогда после ее включения в цивилизованное пространство. Вместе с католическим миром происходила христианизация Скандинавии, затем здесь проходят те же процессы перехода к лютеранству, что и во всей Северной Европе. С запаздыванием в 40–80 лет утверждаются все те же явления, что и в расположенных южнее западных культурных центрах: университетское образование, готическое искусство и богословие, городское самоуправление и распределение крепостных. С Реформации, с XVI века отставание исчезает вовсе.

В России все иначе. Однако не монгольское нашествие (1237–1240) нанесло непоправимый удар и отсекло Русь так же, как отсекло Византию турецкое завоевание, завершившееся в 1453 году. Дело в том, что Русь оставалась, во-первых, вассальной, а не полностью завоеванной. Во-вторых, наиболее вестернизированная Северо-Западная Русь — Псков, Новгород — и в меньшей степени вестернизированные, но тоже ориентированные на Запад Полоцкое и Турово-Полесье княжества не были завоеваны вообще. Они платили дань монголам, но не более того.

XIV век стал временем весьма интенсивного общения Руси с культурными центрами Запада, а западная часть Руси была просто отвоєована у татар литовско-русскими силами во второй половине столетия (победа Ольгерда над ордынским войском у Синих Вод в 1363 году) и ее связь с западным культурным центром через Польшу и

Венгрию полностью восстанавливается. Преподобный Сергей Радонежский интеллектуально на равных вел беседу с болгаринами — митрополитом Киприаном и греком — патриархом Филофеем Коккином, а те в свою очередь — с итальянскими богословами. Творения Григория Паламы почти немедленно переводились на славянский, да и греческим языком русские книжники тогда владели неплохо. Единое культурное поле сохранялось, но, как и раньше, в системе центр — периферия. Греческий иконописец Феофан учит русского гения Андрея Рублева, и в результате — живопись своеобразная, но и вполне равная по совершенству исполнению лучшим творениям европейского триченто — отставание на 50–80 лет в сравнении с главными культурными центрами Европы было тогда и для Руси обычным.

САМИ СЕБЯ ОТРЕЗАЛИ

На самом деле драматическое отсечение Московской Руси произошло в 1448 году, это самопровозглашенная автокефалия, когда Русская церковь отказалась принимать своих митрополитов из Константинополя, и особенно в 1459 году, когда московские епископы по настоянию митрополита Ионы поклялись хранить от всех независимой, как высшую ценность, «Святую Московскую Церковь». С тех пор примерно на 120–150 лет всякое общение со всем миром для Руси прекращается. Греки будут рассматривать Московскую церковь как раскольническую, схизматическую самопровозглашенную. Католический мир не признает ее тем более. Завоевание Иваном III Новгорода, разгромы, учиненные его внуком Иваном Грозным и в Новгороде, и в Пскове, полностью запечатлели и эти ворота в Европу, искоренили европеизированную северорусскую культуру.

Драматическое 150-летие (с середины XV и до конца XVI века) и стало для Руси периодом максимальной стагнации, остановки развития. За этот период Запад делает колоссальный культурный рывок. Ведь это эпоха Ренессанса, научной революции. Это Уильям Оккам и Майстер Экхарт, Эразм Роттердамский и Лютер, Микеланджело и Леонардо, Коперник и Кеплер, Галилей и Фрэнсис Бэкон. Запад за XV–XVI века осваивает огромный пласт культуры, математики, механики, философии, медицины, а Россия остается почти вне этого процесса, все больше и больше отстает, отрубленная волей своих правителей — и светских, и церковных — от культурных центров ее цивилизации. То, что в Париже, Риме, Оксфорде — естественный результат интеллектуального развития, в Москве — чудо-диковинки, вроде как сейчас — нанотехнологии.

В результате, когда в XVI веке в Европе обсуждали проблему свободы воли (дискуссии Лютера и Эразма), в России въ елись споры о том, как обходить вокруг аналога с Евангелием — по солнцу или против солнца, двоиить или троить аллилуйю. Как компенсация полной отрубленности от всего мира при Василии III выдвигают всем известные концепции: Москва — третий Рим, «Сказание о Мономаховом венце», «О Белом клобуке» и прочий бред, который был осужден Московским собором 1667–1668 годов как измышления, сделанные «от ветра головы своея».

К этому времени наша референтная группа — Скандинавия стала вполне органичной частью Западного мира, не лидером, но и не чужаком. Рене Декарт чувствовал себя равно естественно и во Франции, и в Голландии, и в Швеции в XVII веке, несмотря на все исповедные отличия этих стран. Немецкие же гости в Москве чувствовали себя совсем иначе, а несчастному выпускнику Падунского университета православному Михаилу Триволису (известному на Руси как Максим Грек) пришлось долгие годы провести в казематах подмосковных монастырей за попытку поднять интеллектуальный дискурс Москвы на приемлемый для ренессансного человека уровень.

НЕ ОКНО — ЩЕЛЬ

Поэтому модернизация XVII века проходит уже в основном или через Украину, единственную часть Руси, которая осталась открытой Западу, поскольку она была включена в Польшу, или непосредственно через Немецкую (Лифортвов) свободу. Но эта модернизация носит отчетливо имитационный характер. Потому что русская модернизация — не результат развития сознания людей, как в старой Европе, а следствие простого заимствования некоторых технических новаций — военных, политических и т. д.

Царь Петр Алексеевич собрал своим боярам бороды и одел их, как кукол, в европейские камзолы, но европейцами от этого они, понятно, не стали да и стать не могли. Понадобились немцы, и они в изобилии приглашаются в Россию или включаются в нее вместе с Остзейским краем. Одними рязженными русскими боярами обойтись нашей модернизации не смогли. Имитационная модернизация, безусловно, негативный момент. Она создает видимость культуры, но не культуру, подобно костюмам от Корнелиани и нынешним московских чиновников.

Не буду подробно говорить об альтернативе петровской модернизации, которая обозначилась в конце XVII века. Это план реформ, намеченных царевной Софьей и Василием Голицыным, — последовательных, медленных, направленных на сущностную модернизацию. Важно то, что Софью победил Петр — царевну заточили, князя Василия сослали в Каргополь.

Суть реформ Петра — это не прорубленное в Европу окно. В Европу была прорублена щель, через которую смогла войти лишь дворянская элита и то — в XVIII веке только в системе имитационной модернизации.

При этом 95% общества оказалось полностью от модернизации отрезанным. Для подавляющего большинства русских людей был закрыт путь к какому бы то ни было образованию, тем более к европейскому, к любым гражданским свободам. Они не только оставались в XVI столетии. Им было фактически возвращено становиться иными. Указы Петра 1711 и 1719 годов фактически превратили в рабов большую часть населения России, причем в рабов без надежды на какую-либо аккумуляцию. Это был очень примечательный и очень значимый для нас момент, когда модернизация элиты происходила за счет одичания и ограбления основной массы народа. И в итоге, как много раз писал мой старый друг и коллега Юрий Сергеевич Пивоваров, сложившаяся две субкультуры — субкультура вестернизированной и модернизированная, даже по-русски говорить разучившаяся, но тончайшая — не более 2–3% русских людей и субкультура массовая, все более диавишная в сравнении с европейским простонародьем мужиков, законсервированных в эпоху Стоглава.

Западноевропейский абсолютизм в XVIII веке провозгласил: «Править без народа, но для народа». К концу 1700-х годов почти все население Пруссии, Франции, Австрии, Англии, Швеции было грамотным. Повсюду действовало местное самоуправление, крепостное право в среде государствообразующего этноса исчезло или сохранилось в совершенно символических формах (недельной в течение года отработки в пользу сеньора). В России с царствования Елизаветы Петровны крестьян перестали приводить к присяге — они гражданами не считались, собственности у них не было, права на свободный брак — тоже, грамоте их не учили, подавать на своих хозяев в суды они не имели права. Это были единоверные дворянам, единокровные им рабы. Об их модернизации не было и речи. Русский абсолютизм был правлением без народа и не для народа, а для тончайшего слоя элиты за счет народа.

ПОБЕДИТЕЛЬ ОЧЕВИДЕН

Фактически только после освобождения крепостных, только с великих реформ 60-х годов XIX века и открытия России вновь полностью Западу (именно всей России, а не только тонкого элитного слоя!) начинается ее новая модернизация. И всем известно, насколько быстрой и мощной она была.

За 50–60 лет, особенно за последнее двадцатилетие существования Российской империи произошел невероятный экономический и культурный рывок. Появился сущностно модернизированный слой общества, к которому относятся и славянофилы, и западники, и Пирогов, и Менделеев, и Чайковский, и Лев Толстой, и Ключевский, и Сикорский. Но из-за того что у этой модернизации были большие во многом корни, она в итоге закончилась не современной европейской Россией, как об этом мечтал Петр Столыпин, а большевистским кошмаром. Сущностно модернизированный слой русского народа достиг к Первой мировой войне 10–15% населения, но дикая масса большинства, замученная непонятной для них войной и взъяренная большевиками, захлестнула и смысла новую Россию в пятилетней Гражданской войне, которая фактически и была войной двух субкультур — XX и XVI веков.

После короткого открытия времени НЭПа, с 1929 года Россия вновь закрывается полностью. При этом уже уничтожен в красном терроре или будет уничтожен за последующие 10 лет тонкий слой сущностно модернизированного русского общества. Или эти люди были изгнаны из России. Ведь тот миллион, полтора миллиона человек, которые покинули Россию до Второй мировой войны, это же в основном лучшая, наиболее модернизированная, самая культурная часть русского общества.

Итак, мы вновь были обречены на все большее отставание. Это вопрос о сталинской модернизации. Это была во многом опять же имитационная модернизация в технической и военной сферах. И мнение, что советская Россия была новой великой цивилизацией и силой, во многом, по моему убеждению, ошибочно. Ошибочно потому, что пока еще существовали старые дореволюционные кадры и их ученики, а это в основном до конца Второй мировой войны, до ждановщины и лысенковщины, еще происходили какие-то новые исследования. Но в тех областях, в которых никаких заделов не было до революции, например те же генетика, кибернетика, Россия стала отставать с самого начала. И в итоге СССР приходилось воровать технические новинки на Западе в 50–70-е годы самым грубым образом. Без Пенемюнде, без Бруно Понтекорво возникла бы наша ядерная и ракетная мощь?

Так и не осуществив модернизацию сущностную, мы вновь вернулись к модернизации имитационной. Швеция и Норвегия 80-х годов XX века и СССР эпохи позднего застоя — вот результат тысячелетней модернизационной гонки двух периферийных европейских регионов. Победитель очевиден.

ДРУГОГО ПУТИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Наконец, открытие миру России в 1990 году, снятие тоталитарного пресса, конечно, вызвали хаос и как результат — деградацию общества даже в сравнении с советскими временами. Это понятно. Но этот период проходит. Мы все видим, как сейчас общество стабилизируется, стабилизируется в отношении ценностей. Оно открыто Западу. Интернет, поездки и жизнь на Западе делают свое дело. Особенно меняется молодежь, те, кто завтра встанет у руля русской жизни. Россия вновь начинает чувствовать себя частью большой цивилизации. В этой ситуации любые разговоры о создании антиартичной политической модели, об ориентации не на Запад, который является культурной основой России, а, скажем, на страны Дальнего Востока, мусульманский мир как на главный источник культурного общения или на самое себя безответственности, неразумны и опасны. Сегодня любая попытка огрaдить Россию, построить новую стену между Россией и Западом, как при Иване III, означает четвертую стагнацию, которую скорее всего Россия не перенесет. Нынешнее, исключительно быстрое развитие мировой науки и технологий делает самоизоляция особенно губительной, а покупка современного знания за нефть, то есть новый виток имитационной модернизации, лечит наше общество не более чем впрыскивание морфия лечит онкологического больного.

Сущностная модернизация ныне — это трудный, долгий и требующий огромного политического искусства процесс. Он совершенно не обещает, что мы вскоре станем великой державой, тем более сверхдержавой. Но такая модернизация дает нам шанс вернуться в компанию цивилизационно сродных нам обществ и сообщая с иными народами, которым культурно мы близки испокон веков, встречать общие вызовы и решать общие проблемы.

Думаю, после всего того, что мы пережили, у нас есть шанс или стать пусть не великой, но все же западной страной, с развитым и ответственным гражданским обществом, или, отгородившись от Запада, попытаться в какой уж раз создать на путях имитационной модернизации мощное государство, но со стремительно дикушащим народом, поработанным безнравственной элитой, — колосса на глиняных ногах, рано или поздно обреченного на обрушение. Из этой альтернативы, на мой взгляд, есть только один выход — открыть себя Западу, примириться с тем, что сейчас мы не можем быть первыми (слишком много лучших жизней унес у нас XX век), и на тех роплях, какие еще мы можем заслужить, войти в концерт западных держав. Другого пути, достойного нашего многострадального народа, у России как не было, так и нет.

Коллаж Андрея СЕДУХ

Владислав ИНОЗЕМЦЕВ,
доктор экономических наук,
директор Центра исследований
постиндустриального общества

Оценивая перспективы очередной российской модернизации, следует прежде всего понять, что такое модернизация. На мой взгляд, ее разнообразные трактовки не должны скрывать фундаментального обстоятельства: модернизация – это процесс, целью и результатом которого является превращение ранее отстававшей и «запущавшейся в себе» страны в социум, который может развиваться на естественной основе, свободно конкурируя с остальными членами международного сообщества и по мере необходимости переходить (желательно ненасильственным и органичным образом) от одного политического режима к другому. Иначе говоря, успешная модернизация – это политическое и экономическое усилие, устраняющее необходимость своего повторения в будущем и открывающее путь гармоничному развитию. Если быть предельно кратким, успешная модернизация лишает общество любой потребности в каких бы то ни было последующих модернизациях.

НЕТ МОДЕРНИЗАТОРА – НЕТ ПЕРЕМЕН

Россия – страна уникального модернизационного опыта. Ни одно другое государство не поднималось так высоко в мировой экономической и политической «табели о рангах», чтобы затем упасть очень низко, и тем более ни одна страна не проделывала это последовательно столько раз, сколько Россия.

Если не уходить слишком далеко в историю, можно начать с середины XVII века, когда Россия стала медленно оправляться после Смуты и восстанавливать свой военный и экономический потенциал. На протяжении полувека страна постепенно накапливала силы для перемен, реформировала армию и впитывала западный опыт. Все это создало почву для петровских реформ, которые хотя и были проведены, как это часто подчеркивают, «варварскими методами», тем не менее вывели Россию в число самых значимых европейских держав. В этот период экономические перемены внутри страны не слишком сильно проявились внешне: Россия и после Петра I оставалась экспортером пушнины, строевого и корабельного леса, пеньки, воска и меда, но при этом заработали мануфактуры, выпускавшие металл, ткани и одежду, военное снаряжение и т. д.

Однако модернизация натолкнулась на невозможность проведения социально-политических реформ и исчерпала себя уже в первые годы XIX века. Последовавшие события – оформление Священного союза, деятельное участие в подавлении многих европейских революций и как финал – поражение в Крымской войне – впервые в нашей истории со всей очевидностью продемонстрировали «личностный» характер российской модернизации: есть модернизатор – есть модернизация, нет модернизатора – не следует ждать и попыток организации перемен.

Тупик середины XIX века, как и тупик первой половины XVII столетия, в конечном счете вызвал к жизни новых модернизаторов – от Александра II до Витте и Столыпина. Но на сей раз модернизация пошла несколько дальше. Помимо прежнего основания – копирование европейского опыта и разворот «лицом к Европе» – она была обогащена некоторыми социальными и политическими изменениями: отменой крепостного права в 1861 году и учреждением Государственной думы в 1907-м. Экономические успехи не заставили себя ждать: к началу Первой мировой войны на Россию приходилось 8,2% мирового промышленного производства. С учетом того, что политические элиты осознали возможность эволюционных перемен не только в экономике, но и в социально-политической сфере, шансы на продолжение взятого курса были куда большими, чем в начале XIX века, однако ход событий был нарушен Первой мировой войной и двумя революциями 1917 года.

«Новый круг» был начат в середине 20-х годов, когда советская экономика выглядела разрушенной даже на фоне экономик европейских государств, дела у которых шли в то время тоже неблестяще. И снова страна пошла по пути радикальных технологических заимствований, в очередной раз подтвердив, что такой вариант сокращения отрыва от лидеров является весьма эффективным. Даже те, кто подвергает обоснованным сомнениям официальную статистику результатов сталинской индустриализации, вынуждены признать, что промышленность СССР сделала огромный рывок, а инфраструктура получила невиданное ранее развитие. Однако с середины 70-х годов развитие затормозилось – и всего двух десятилетий оказалось достаточно для того, чтобы «новая» Россия оказалась изгоем на экономической периферии.

ДВА «ДВОЙНЫХ» ЦИКЛА

Какие выводы можно сделать из этих «кругов» в российской модернизации?

Во-первых, каждая из модернизаций была спроецирована своеобразным «тупиком» в развитии страны, причем всякий раз осознание такого тупика приходило не изнутри, а извне. Российские модернизации поэтому всегда оказывались догоняющими – даже тогда, когда на излете они производили результаты, на короткий период выводившие страну в лидеры. Ощущение отставания и нетерпимость такового становились главным толчком российских модернизаций. Вне кризисных ситуаций модернизации не осуществлялись.

Во-вторых, каждая из модернизаций по отмеченной выше причине носила крайне ограниченный и внутренне противоречивый характер. Стремление преодолеть отставание необязательно предполагало превращение в лидера – и модернизации затухали при некотором приближении к «нормальному», но не исключительному уровню. Таким образом, Россия никогда четко не определяла задач модернизаций: элиты смутно осознали, от чего они хотят уйти, но не могли сформулировать «образа желаемого будущего».

В-третьих, все российские модернизации были не только «элитистскими», как и многие другие, но призваны были служить процветанию и укреплению тех элит, которые их инициировали. Между тем практика показывает, что по мере успеха модернизаций инициировавшие их группы теряют власть, а в худшем случае даже устраняются. В России эта закономерность также проявилась, пусть и не сразу, но при этом каждые новые модернизаторы были уверены, что их-то она не затронет.

Можно проследить два крупных «двойных цикла» российских модернизаций. Первый (1695–1917) состоит из фазы продолжительного успешного развития, не только не угрожавшего системе, но даже укреплявшего ее (1698–1815), и фазы более короткой, на протяжении которой перемены стали подрывать стабильность системы, порождать противоречия и конфликты и наконец привели к ее краху (1861–1917). Между этими фазами лежал период зстоя и неопределенности, в ходе которого накапливались признаки «застойности» и приближения тупика.

Второй «двойной цикл» также состоял из периода развития, в целом укрепляющего систему (1921–1964), и новой попытки рывка, приведшего в конечном счете к ее краху (1985–1991). Между ними вновь лежало время зстоя и усиливающегося ощущения кризиса. Заметим, что второй «двойной цикл» был пройден приблизительно в три раза быстрее первого, что в целом соответствует ускоряющемуся темпу прогресса. Очевидно, что новые модернизаторы – «образца» 1861 и 1985 годов – намеревались укрепить основы полученного ими порядка, а не привести его к краху, однако дефицит эволюционных изменений заметен в России как в XIX веке, так и на рубеже XX и XXI столетий. «Болезни» российских модернизаций заключена в неумении согласовывать экономические и политические преобразования.

В-четвертых, все российские модернизации носили частный характер, обусловленный их субъектностью и задачами. Главными проблемами российских модернизаций являлись, таким образом, их неукорененность в системе интересов и мотивов большинства населения и неготовность власти лишаться даже части контроля над ее «собственным» народом. Именно поэтому, на мой взгляд, все российские модернизации встречались массами с некоей настороженностью (а если они и становились популярными, то вскоре сворачивались «сверху»).

И, в-пятых, российские модернизации – и в этом их радикальное отличие от большинства успешных модернизаций – никогда не ставили своей целью интеграцию в мир. Российские элиты хотели сделать страну «не хуже других», а зачастую и лучше, они выстраивали отношения с элитами других стран, участвовали в глобальных политических и военных интригах, но при этом умудрялись оставаться оторванными от мира экономически и социально.

Оценивая сегодня российскую ситуацию, приходится со всей определенностью признать, что предшествующие модернизации не достигли своей основной задачи. Россия не смогла стать саморазвивающейся экономикой, готовой конкурировать на рынках промышленной продукции с развитыми странами, ей не удалось создать устойчивую функционирующую политическую систему, основанную на демократической смене властных элит, все ее постсоветское развитие стало историей неконтролируемого роста имущественного неравенства, а понятной социальной сегментации так и не возникло. Именно потому президенту Дмитрию Медведеву потребовалось вновь говорить о модернизации, и неочевидно, что очередная попытка окажется удачной.

**ДЛЯ ТЕХ,
КТО СИЛЬНО
ЖЕЛАЕТ,
НЕТ НИЧЕГО
НЕВОЗМОЖНОГО**

**МЫ ВСЕ
МОЖЕМ!**

По мере того как модернизация становится в России чуть ли не основным предметом обсуждения как в околполитических, так и в научных кругах, вопрос о ее неизбежности отнюдь не выглядит решенным. Напротив, все чаще приходится сталкиваться с сомнениями относительно судьбы очередной попытки модернизировать страну, которая, если обратиться к истории, «модернизировалась» намного чаще других держав, но всякий раз – раньше или позже – отставала и вновь сталкивалась с необходимостью модернизации.

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕРАДУЖНЫЕ

История большинства успешных модернизаций позволяет заметить две важные черты, свойственные практически любой из них. Во-первых, повторю еще раз, толчком к модернизации является осознание элитами и обществом тупиковости ситуации, в которой находится страна, и бесперспективности ее прежнего пути развития. Это может стать следствием либо серьезного внешнего удара (военного поражения), либо политических процессов, приводящих к возникновению новой политической системы, которая начинает поиск собственной идентичности, либо смены политической элиты после долгого периода углубляющегося зстоя. Как следствие в большинстве модернизирующихся стран историческая преемственность оказывается разорванной: если элита и пытается найти некие точки опоры в прошлом, то достаточно абстрактные и в достаточно отдаленном. Недавнее прошлое однозначно выступает в общественном сознании как нечто, от чего следовало бы уйти.

Во-вторых, в подавляющем большинстве успешно модернизировавшихся стран модернизация проходила в условиях укреплявшегося единения элит и народа. При этом интересы политиков и бизнесменов были относительно четко разделены: первые стремились к популярности и славе, вторые – к умножению капиталов. Парадоксально, но ни один из успешных модернизаторов не вошел в историю как владелец крупного личного состояния или олигарх, в то время как большинство из тех, кто не мог похвастаться никакими достижениями, оказались в числе богатейших людей на своих континентах. Успешные страны модернизировались как единое целое, неудачные же погрязали в коррупции и материальном неравенстве.

Даже на этом фоне можно заметить, что перспективы российской модернизации не выглядят радужными.

Во-первых, сегодня ситуация, сложившаяся в стране, не воспринимается как тупиковая или катастрофическая. Напротив, верно скорее обратное утверждение: значительная часть населения сейчас более обеспечена, более свободна в своей частной жизни и более удовлетворена положением вещей, чем когда-либо прежде в отечественной истории.

Во-вторых, власти, демантирующие те демократические элементы, которые сложились в 90-е годы, делают все от них зависящее, чтобы провести «естественную» линию преемственности от советского периода к нынешнему; временем, по отношению к которому воспитывается отторжение, выступает мимолетная эпоха 1992–1999 годов, которая вряд ли может считаться достойно оттеняющей нынешние успехи.

В-третьих, развитие страны в минимальной степени зависит от мобилизации усилий граждан, а в

максимальной – от мировых цен на нефть и газ; последние приводят к самоуспокоению, которое нигде не являлось характерной чертой модернизации.

И, наконец, в-четвертых, политическая и экономическая элиты России практически слились в единое целое и ставят своей задачей максимальное самообогащение любыми возможными способами. В результате около 56% российского ВВП создается в компаниях, которыми владеют собственники, зарегистрированные в офшорных юрисдикциях, этот показатель соизмерим с современными данными по самым неблагополучным странам Африки.

Таким образом, призывы к модернизации сегодня звучат в стране неблагоприятной обстановке: повода ощущать потребность в модернизации у значительной части граждан попросту нет, политические цели элиты понуждают ее героизировать советское прошлое вместо того, чтобы десакрализировать его, а экономические интересы той же элиты требуют относиться к стране как к территории, природные богатства которой можно эксплуатировать, совершенно не заботясь о благополучии и выживании ее народов.

**БЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ
УПУЩЕН**

Имелся ли у России в недавнем прошлом шанс на модернизацию? Сохраняется ли он в наши дни? На первый вопрос, на мой взгляд, можно однозначно ответить положительно. Этот шанс был крайне велик во второй половине 80-х годов, когда для успешной модернизации в СССР имелось как минимум шесть важнейших предпосылок, которые могли сделать ее успешной.

Во-первых, тупиковость советского пути развития стала очевидной для значительной части населения страны, если не для его большинства. Приметы кризиса были весьма заметными, а различия в уровне и стиле жизни в Советском Союзе и на Западе – разительными. Кроме того, в «социалистическом лагере» имелся широкий набор мнений о направлениях и задачах реформ и поэтому цели и характер модернизации могли послужить предметом состоятельной дискуссии (тогда как сегодня аргументы и сторонников, и противников модернизации выглядят крайне примитивными и шаблонными).

Во-вторых, в СССР существовала высокопрофессиональная элита, которая при всех ее недостатках, с одной стороны, была приучена к служению стране и с другой – обладала достаточным количеством необходимых для реиндустриализации знаний и навыков (достаточно сравнить число вводимых в РСФСР и России промышленных и инфраструктурных объектов в 80-е и 2000-е годы, чтобы осознать весь масштаб различий между «тогда» и «теперь»).

Эта элита отличала политические и экономические интересы, делала акцент на первых и вполне могла повести страну вперед.

В-третьих, Советский Союз в середине 80-х годов гораздо больше отставал от Запада по промышленным технологиям, чем по структуре экономики, а это в условиях развитого индустриального сектора могло быть преодолено за пятнадцать-двадцать лет, что показывает опыт тех же Тайваня или Бразилии. Кроме того, в СССР существовало огромное предложение дешевых материальных, трудовых и энергетических ресурсов, низкую стоимость которых было несложно искусственно поддерживать на протяжении всех необходимых для серьезной перестройки экономики десяти-пятнадцати лет.

В-четвертых, политический климат в СССР времен горбачевской перестройки вполне располагал к модернизации, так как в стране было создано (точнее, создалось само в результате знакомства граждан с историческими фактами) стойкое отторжение «социалистического» прошлого и авторитарных методов управления. Это предполагало, что народ готов был идти вперед, не оглядываясь без необходимости назад. Стремление избавиться от прошлого любой ценой могло стать важнейшим ресурсом перемен.

В-пятых, перестройка на время сделала Советский Союз очень «модным» в мире – во многом таким, каким пятнадцать лет спустя стал Китай. Политика открытости одной из двух сверхдержав давала уникальный шанс на привлечение инвестиций, технологий и специалистов с Запада, а положение СССР как мощной военной силы, контролировавшей половину Европы, открывало возможность «размена» разоружения и роспуска коммунистических организаций на включение как стран Восточной Европы, так и самого Советского Союза в крупные интеграционные объединения Западного мира, что могло, как тогда говорили, «сделать перестройку [поистине] необратимой».

И, наконец, в-шестых, во второй половине 80-х годов советские люди в их большинстве осознали, что из не слишком вдохновлявшего социалистического «сегодня» возможен только коллективный выход и что судьбы всего народа остаются едиными. Это создавало мобилизационный потенциал, который, к сожалению, в конечном счете оказался растрачен безрезультатно.

Сегодня в России нет ни одной из этих предпосылок модернизации. Народ в значительной своей части удовлетворен происходящим. Элита невиданно деградировала, а принцип меритократичности полностью оторван в угоду кумовству и клановости. Структура экономики сейчас больше соответствует «неразвивающимся» государствам третьего мира, чем постиндустриальным странам первого. Прошлое упорно идеализируется, а вместо идеологии развития внедряются ценности консерватизма и религиозности. Россия утратила свое геополитическое положение, ее военный потенциал в значительной мере растрачен, и она не представляет интереса для Запада. И что самое важное – значительная часть наиболее активных граждан либо уже покинула страну, либо относится к ней как к временному месту жительства, будучи готовой в любой момент сменить его на более комфортное.

НЕ БУДЕМ ФАТАЛИСТАМИ

У современной России имеются почти все объективные предпосылки для успешной модернизации. Отсутствуют лишь две, правда, самые важные: политическая воля и заинтересованность элит и общества. Этот минус перевесит все плюсы, и наша страна в ближайшие годы продолжит свое движение «по наклонной траектории».

Несмотря на то, что данная перспектива выглядит не слишком оптимистичной, не нужно относиться к ней фаталистически. В последние десятилетия XX века на путь модернизации встали такие страны, что сегодня можно уверенно сказать: нет такого момента в истории любого государства, когда его модернизация была бы невозможной. Южная Корея в 50-е годы была намного беднее Кении, но обогнала ее по уровню жизни более чем в десять раз. Китай времен конца Культурной революции был беднее, чем в начале XX столетия, но через тридцать лет стал первым в мире экспортером промышленных товаров, главным рынком автомобилей и самой масштабной строительной площадкой на планете.

Для тех, кто сильно желает, нет ничего невозможного. И нам стоит начать хотеть перемен, не прятаться в лохмотья консервативной идеологии, не поклоняться государству, ничего не сделавшему для народа в последнюю четверть века, не ждать улучшений, а пытаться самим обеспечить их.

Мы все можем, но просто сейчас ничего не хотим. И изменить эту ситуацию никто, кроме нас, не в силах.

